

**ПРАВДИВОСТЬ – ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА
РЕЛИГИОЗНОГО ПОИСКА Л.Н. ТОЛСТОГО**

Философско-теологическая концепция Л.Н. Толстого – руководство для обычной человеческой жизни, составленное из правдивых утверждений христианского учения. Это миропонимание, по мысли писателя, даровано людям Верховным Создателем и возведено странствующим проповедником И. Христом из Назарета.

Ключевые слова: религиозный поиск, правдивость, православная религия, морально-теологические идеи, непротивление злу насилем.

*Многие философы потратили все свое время,
погубили свое здоровье и пренебрегли своим состоянием
ради поисков истин, которые они считали значительными
и полезными для мира.
Давид Юм.**

Все дальше и дальше безжалостное время отдаляет от нас деяния великих мужей России, которые искали истины бытия в период знаменитого Серебряного века. Это была эпоха отмены крепостного права, когда в образованных кругах российской интеллигенции царило радостное возбуждение и преобладали настроения к обновлению умов. «Писатели, – отмечал Н.Н. Страхов, – стремились дать – кто новую педагогию, кто новую эстетику, новую историю рода человеческого, новую философию и т. п.» [1, с. V]. Возникла потребность и в пересмотре господствовавших религиозных догм. Православное вероисповедание стало активно обсуждаться не только в тиши кабинетов философов и теологов, но и публично: в печати и в жарких дискуссиях на общественных собраниях, где присутствовала публика из различных социальных слоев, начиная от простолюдинов и кончая высшим дворянством и духовенством. В горниле кипучих страстей рождались новые идеи религиозного обустройства и формулировались новые философско-теологические концепции, предусматривающие изменения тех или иных сторон вероучения, догматики и культовых отправлений. Дела и результаты этих религиозных исканий до сих пор не теряют своей актуальности а напротив, становятся все более значимыми в силу сложившихся исторических обстоятельств. Возвращение нашей страны к капиталистическим порядкам и возрождение православной цер-

кви, пожалуй, заметно приумножили их привлекательность и ценность.

Среди звучавшего многоликого хора религиозных обновителей особо выделялся голос Л.Н. Толстого, предложившего русскому обществу самобытное толкование священных духовных явлений. Он прозвучал громче всех вследствие того, что принадлежал столбовому дворянину, а не простому разночинцу, а также и потому, что охватывал буквально все пласты русской православной религии. Богатство содержания и глубина исследования в толстовском учении предопределили его непреходящее значение для будущих поколений. До сих пор морально-теологические идеи тульского графа будоражат общественное мнение и порождают многочисленных последователей как у нас в стране, так и в ближнем и дальнем зарубежье. Распространившись по всему свету, они получили поистине всенародное признание и широкий отклик в различных уголках нашей планеты. Интерес к ним чрезвычайно велик, о чем свидетельствуют почти ежегодные форумы в Москве, Туле и Ясной Поляне, посвященные творчеству великого певца земли русской.

Чем же заслужила религиозная доктрина российского барда неувядающую славу и привлекательность? Что влечет к ней философов и теологов? Думается, сразу и правильно ответить на эти вопросы вряд ли возможно. На поверхности ответ явно не лежит и однозначного

*Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Соч. В 2-ух т. М. 1965. Т. 1. С. 593.

определения не имеет. Он не так очевиден, как это кажется неискушенному читателю при первой встрече с толстовскими произведениями. Чтобы его получить, без предварительного тщательного анализа имеющихся литературных источников просто не обойтись. Только их всеобъемлющий обзор дает нам верное представление о религиозных взглядах Л.Н. Толстого. Они весьма разноплановы и сложны. Если абстрагироваться от их конкретного выражения и взглянуть как на целостность, то можно обнаружить, что им присущи, по крайней мере, три характерные особенности, отличающие учение яснополянского мыслителя от концепций других российских реформаторов. Это, во-первых, оригинальность осмысления священных реалий; во-вторых, масштабность анализа конструктивных сторон православного культа, догматики и вероучения; в-третьих, постоянное стремление российского писателя к правдивому изображению рассматриваемых религиозных феноменов. Все члены этой триады тесно связаны друг с другом и строго субординированы. Первичным, определяющим из них, на мой взгляд, является правдивость. Без нее, пожалуй, и масштабность и оригинальность религиозной концепции графа Толстого утратили бы свою притягательную силу. Как раз она открывает завесу над отличительными чертами его морально-теологических построений.

Что касается оригинальности, то о ней говорили в один голос еще современники русского дворянина, его собрата по перу. С их точки зрения, Л.Н. Толстой отличается от любого из своих соратников стойкой приверженностью к четвертой заповеди из Нагорной проповеди И. Христа о «непротивлении злу насилием». Это утверждение, сформулированное, по-видимому, большей частью под влиянием последних работ писателя о неприемлемости насилия в общественных отношениях, в борьбе с любым злом, было подхвачено и растиражировано целой плеядой русских политиков, литераторов и философов. По сути, оно превратилось в визитную карточку Льва Николаевича, в неснимаемый постоянный ярлык. По какому бы поводу ни обращались к его воззрениям, какие бы стороны его творчества ни изучали – непременно всплывало ставшее общепринятым «непротивление злу». Вот как, к примеру, использует данное клише известный русский философ, пред-

лагавший, кстати, собственный путь преобразования православной веры, В.В. Розанов. «Народ, – пишет он, – простая обыкновенная толпа в тысячу человек, но измученная и религиозно взволнованная, поднятая религиозно молитвой, надеждой, страхом, отчаянием, принесенным сюда из домов своих, – она религиозно была... не выше, но массивнее, серьезнее, страшнее всех учений Толстого о «непротивлении ли злу» или каких других, все равно» [2, с. 368].

Если В.В. Розанов (как видно из вышеприведенного высказывания) трактует «непротивление злу» рядоположным с другими учениями яснополянского графа, то некоторые нынешние исследователи уже не разделяют этой традиционной, общераспространенной точки зрения. Они пошли значительно дальше. Согласно их убеждениям, четвертая заповедь И. Христа в философско-теологическом наследии Л.Н. Толстого является основополагающей и ведущей. Именно в таком качестве она представлена в его работах «Путь жизни», «Закон насилия и закон любви», «Круг чтения». Эти последние творения знаменитого создателя «Войны и мира» имеют якобы особый статус и чрезвычайно важны. Они содержат конечные результаты его продолжительного морально-теологического поиска и образуют своего рода духовное завещание потомкам. Во время написания этих трудов Л.Н. Толстой находился на самом пике творческого процесса. Сформулированные им истины, выстраданные в ходе многотрудных и напряженных исканий, достигли здесь наивысшей ступени зрелости. «Непротивление злу насилием» из рядового компонента превратилось в определяющее стержневое начало разработанного философского мировоззрения, в его центральный теоретический конструкт. Оставив прошлому весь прежний идейный багаж, русский мыслитель однозначно и твердо высказался, что «непротивление злу» является высшей истиной, высшим законом жизни, выражающим сущность человеческого бытия. Все остальные важнейшие категории его учения, как то: «вера», «душа», «Бог», «любовь», «грехи», «соблазны», «зло», «благо», «усилие», «самоотречение», «смирение», «правдивость», «жизнь», «смерть» и др. [3, с. 8] – не обладают подобными свойствами. Они располагаются в определенной зависимости вокруг этого центра. Если свести их воедино, то можно будет построить целост-

ную систему этических воззрений величайшего русского мудреца.

Возможно, в целях создания новой этики, опирающейся на достижения великой русской литературы Серебряного века, на ее этические и религиозные идеи, такая «возвышенная» трактовка «непротивления злу насилием» необходима и полезна. По крайней мере, спорить об этом бессмысленно, так как предмет спора лежит в другой плоскости и находится за пределами толстовских религиозных воззрений. К тому же основать мир без насилия – вековая мечта человечества, идеал, к которому должен стремиться каждый индивид. Однако при характеристике философско-теологической концепции Л.Н. Толстого чрезмерная абсолютизация четвертой заповеди И. Христа, на мой взгляд, не совсем приемлема по нескольким причинам. Во-первых, если характеризовать религиозные взгляды великого реформатора священных истин, опираясь только на этот евангельский завет, то за бортом останется большая часть его духовного наследия. Хотим мы этого или не хотим, но тот эмпирический и теоретический материал, который содержится в многочисленных трудах раннего и среднего периода литературной деятельности, вся эта громада образов и понятий автоматически уйдет в тень и будет представляться несовершенной, незрелой, вторичной. А в результате заслуги русского писателя в реформировании православных установлений окажутся незначительными, отодвинутыми на второй план или вообще стертными.

Во-вторых, если рассматривать реформаторские размышления Л.Н. Толстого только на их завершающей ступени, то его философско-теологическое учение, разработанное еще на предшествующих этапах религиозного поиска, неизбежно разворачивается на сто восемьдесят градусов. Предметом исследования становятся уже не евангельские догмы, как это имело место в творческой лаборатории нашего выдающегося религиоведа, а сопряженные с ними философские и этические суждения и категории, вырывающиеся из контекста его сочинений. Естественно, что этим идеальным продуктам человеческого духовного производства присуща уже несколько иная логика становления и развития, чем для реформируемых религиозных феноменов. И ее, безусловно, находят, искусственно конструируя из различных высказываний графа

Л.Н. Толстого. Так, к примеру, говоря о создании толстовской философии непротивления, выделяют шесть этапов ее строительства, начиная с работы «В чем моя вера» и завершая последним крупным произведением публицистического характера «Закон насилия и закон любви».

Разумеется, после такого разворота главная цель проводимых изысканий тоже меняется коренным образом. Как известно, наш знаменитый соотечественник пытался найти истинное предназначение религии в общественной жизни России после отмены крепостной зависимости и наметить трансформацию сакральных феноменов. А современные новейшие теории вообще обходят вниманием этот вопрос и абсолютно не помышляют о его решении. Проблема приспособления христианской веры к буржуазным реалиям, стоявшая во весь рост перед русской интеллигенцией в период Серебряного века, их явно не занимает. И какой бы то ни было, даже малейшей насущной потребности по удалению из христианства всего мистического и сверхъестественного (с целью вооружить людей надлежащими поведенческими ориентирами) они не имеют. Изменилось состояние страны – изменились и духовные приоритеты. Нынешних исследователей больше интересуют в толстовском наследии нестандартные философские и этические идеи, призванные содействовать разработке современной картины мира и сопряженной ей этической доктрины.

Что касается преобразования русской религии и церковных устоев, то в лучшем случае наши философы озабочены тем, чтобы обнаружить наиболее приемлемые формы толерантного сосуществования возрождающегося в стране православного культа с национальным культурным достоянием, накопленным в прошлой истории. Больше того, все чаще и чаще в кругах современной российской богемы звучат настоятельные призывы – любыми возможными и невозможными путями сблизить духовные творения яснополянского дворянина с православными ценностями. Как следствие, активному борцу с официальной религией настойчиво навязывается неотступное следование святоотеческим традициям, хранительницей которых выступает русская церковь. Он даже изображается в какой-то мере сторонником славянофилов, ратующим за такую же форму веры, которая провозглашалась братьями Киреевскими.

И, наконец, в-третьих, изображая Л.Н. Толстого создателем самобытного программного учения о «непротивлении злу насилием», невольно превращают его в вождя и вдохновителя специфической группы людей, которые сделали эту евангельскую заповедь главенствующим правилом собственного поведения. Поистине, когда в обществе появляется популярное учение, то непременно находятся и его последователи. В итоге русский писатель без обиняков трактуется идейным отцом духовоборов, разработчиком программы и инициатором толстовского движения непротивленцев, защитником любых противников насилия в российской действительности. Для всех этих людей, пытающихся построить свои отношения в обществе на принципах непротивления злу насилием, он предстает мессией и кумиром. Другими словами, Л.Н. Толстой, мыслитель и реформатор христианской религии, плавно перемещается в разряд революционных деятелей. При этом совершенно игнорируется тот факт, что, несмотря на отеческую заботу, любовь и даже материальную поддержку некоторых участников социального протеста, русский мыслитель никогда не видел себя в роли предводителя какого-либо антиправительственного движения. Подобные лавры его не прельщали. Л.Н. Толстой постоянно подчеркивал свою независимость от какой-либо партии или идейного течения и выступал активным противником приписывания ему имиджа революционера. Он придерживался совершенно других взглядов на характер социальных и мировоззренческих изменений. В соответствии с его философско-теологической концепцией перемены поведенческих ориентиров должны происходить исключительно во внутреннем мире самой личности и быть результатом ее сознательного и свободного выбора. О существенном расхождении с представителями движения непротивления писатель неоднократно говорил в дневниках и публицистических произведениях. Так в дневниковой записи от 7 марта 1907 г. обнаруживаем: «Читаю письмо с самоуверенным решением вопроса непротивления... Если убивают, насилуют... отказаться от воинской повинности, а пойдет семейный. И сначала досадно на самоуверенность, глупость, а, подумав, вижу, что ему нельзя иначе. Если бы он не был так уверен, то он *или понимал бы, как я* (выделено мной. – В. Ш.), или вовсе не жил бы, а ему хочется жить» [4, с. 297].

Вместе с тем, вне всяких сомнений, было бы нелепо замалчивать очевидный факт, что Л.Н. Толстой в поздних работах уделил четвертой заповеди Иисуса Христа повышенное внимание. И, по-видимому, этот факт заслуживает того, чтобы дать ему надлежащее объяснение. Дело в том, что та трактовка, которую обычно предлагают для его обоснования – явное заблуждение. Нельзя ставить эту заповедь во главу угла и преувеличивать ее значение. Это весьма неоправданно и скоропалительно. Ошибочно представлять концентрированную сосредоточенность на одном из христианских догматов как показатель высшей зрелости толстовских воззрений. Конечно, концентрация внимания на данном фрагменте Христова учения отнюдь не случайность и не причуда старого человека. Возросший интерес к нему был велением времени. К более частому обращению к четвертой догме, вернее всего, подтолкнула писателя сама действительность. Вспомним, что Л.Н. Толстой творил свои последние труды после поражения Февральской революции 1905-1907 годов, когда в Российской империи царило насилие над людьми небывалого размаха и величины. Карательные операции в деревнях и селах против бунтовавшего крестьянства, подавление стачечного движения на фабриках и заводах, охота на профессиональных революционеров и расстрелы их без суда и следствия, – все это известные факты отечественной истории тех лет.

В распоряжении тульского дворянина было большое число свидетельств и о насилии с противоположной стороны, когда озлобленные крестьяне жгли помещичьи усадьбы, когда революционно настроенная молодежь совершала террористические акты против блюстителей порядка, а рабочие, выдвигая экономические и политические требования к хозяевам, на многих предприятиях останавливали производство. Без преувеличения, можно сказать, насилие в те годы буквально захлестнуло всю страну. Конечно, Л.Н. Толстой, будучи гуманистом, глубоко переживал по поводу участвовавших беспрецедентных глумлений над личностью. И он, безусловно, не мог остаться от этих событий в стороне. С грустью писатель констатировал в одном из поздних своих трактатов: «Но, думаю, что теперь, именно теперь, после жалкой, глупой русской революции и в особенности после ужасного по своей дерзкой, бессмысленной жес-

токости подавления ее, русские, менее других цивилизованные, то есть менее умственно развращенные и удерживающие еще смутное представление о сущности христианского учения, русские, преимущественно земледельческие люди, поймут, наконец, где средство спасения, и первые начнут применять его» [5, с. 35].

Что же за чудодейственное «средство спасения» предлагает яснополянский провидец русским людям, будучи чрезвычайно расстроен разгулом насилия в послереволюционной растерзанной России? Достаточно ли считать таковым только абсолютизацию догмата о «непротивлении злу насилием», превращая последний в главное и универсальное орудие достижения благоденствия и мира на многострадальной земле? Являются ли факты отказа отдельных призывников (или даже многочисленных общин, как в случае с духоборами, покинувшими Россию и переселившимися в Канаду) от несения воинской службы, факты отказа солдат применять оружие против бунтовщиков и бастующих, а то и вообще не брать его в руки, примерами лишь максимы непротивления злу, которой и должны руководствоваться люди в своем повседневном бытии?

Ответ на эти вопросы может быть разный, так как любые факты, в том числе и указанные примеры ненасильственных действий, допускают различную интерпретацию. Самое простое решение – рассматривать эти примеры нестандартного поведения русских людей с внешней стороны, то есть так, как они нам даны в непосредственном восприятии. Тогда неизбежно придем к выводу, что они только подтверждают четвертую евангельскую заповедь и ничего более. Однако Л.Н. Толстой никогда не удовлетворялся внешним видом тех или иных объектов или теоретических построений. Он, как правило, стремился сорвать с них внешние покровы и доискаться до сокровенной сущности. И здесь вряд ли мы имеем дело с какого-либо рода исключением.

На мой взгляд, ближе к истине то, что яснополянский граф видел в этих актах противодействия насилию – прямое следствие свершившихся изменений в мировоззренческих установках и мотивах отдельных, далеко продвинувшихся верующих. Совершенно стихийно, без какой-либо идейной конструкции, руководствуясь инстинктами и житейским умом, эти люди

пришли к идентичным истинам, которые были получены русским писателем в результате длительного религиозного поиска. Говоря по-другому, такие необычные и никогда не встречавшиеся в повседневной практике поступки людей неожиданно подтвердили правдивый характер его теоретических выкладок. Отметим попутно, что подобные жизненные факты, подтверждающие другие стороны его философско-теологической конструкции, Л.Н. Толстой постоянно искал и находил в российской действительности. Так, к примеру, он очень высоко оценил исследование Бондарева о трудолюбии русских крестьян, опубликованное в отдельной брошюре. Обосновывая полученные результаты, автор трактата ссылался на провозглашенный в Священном Писании Божий завет, что каждый человек должен в поте лица своего добывать себе хлеб. Это положение Писания импонировало яснополянскому труженику, он стремился неукоснительно следовать ему в обыденной жизни. В качестве еще одного примечательного примера этого же ряда можно указать на неординарное событие из его собственной биографии, когда стойкий приверженец учения И. Христа попытался (в полном соответствии с евангельскими призывами) раздать свое имущество бедным людям. Помешала этой акции Софья Андреевна, испугавшаяся за судьбу остававшихся без средств подрастающих детей. Перечень подобного рода примеров христианских поступков может быть продолжен и дальше. Но, думается, в этом нет острой необходимости, так как и приведенные выше явно не укладываются в прокрустово ложе единственной догмы из Нагорной проповеди. Совершенно очевидно, что все они неразрывно связаны с общей концепцией тульского мудреца.

Религиозная система взглядов Л.Н. Толстого представляет собой оригинальный вариант христианского (божеского) миропонимания, который в корне отличен от католического, протестантского и православного толкования. По мысли писателя, его Евангелие – это руководство для обычной человеческой жизни, составленное из правдивых утверждений христианского учения. Оно даровано людям Верховным Создателем и возвещено странствующим проповедником И. Христом из Назарета. Новое прочтение святых истин лишено мистических и иллюзорных суждений и призвано сменить пре-

жние суррогаты официальных христианских церквей. Только оно способно принести каждому верующему освобождение от зла и общественную признательность. Русский реформатор убежден, что рано или поздно Христово учение должен принять каждый житель России, поскольку распространенное среди россиян общественное (языческое) миропонимание морально устарело, порождает зло и массу социальных проблем. Оно уже не в состоянии достойно исполнять функцию спасения. Наиболее пригодным и надежным инструментом, который позволит успешно справиться с этой задачей, является божье, христианское мировоззрение. Специально оттеняя эту способность, Л.Н. Толстой писал: «Это то самое учение, которое проповедано Христом на горе и записано в 5-й, 6-й, 7-й главах Матфея и называется обыкновенно Нагорной проповедью. Все, что нужно для спасения своей души, есть в этом учении, и миллионы и миллионы христиан спаслись и спасаются, и весь мир спасается им» [6, с. 425].

Столь специфическое понимание христианского учения, которое проверено на предмет истинности и соответствия человеческому разуму, на мой взгляд, составляет подлинную оригинальность толстовской философско-теологической концепции. Сквозь ее национальные одежды явно просвечивает специфически русская, конкретизированная версия Кантовой «Религии в пределах только разума». Разумеется, эти доктрины нельзя отождествлять, но одно у них абсолютно совпадает – наукообразная и антиклерикальная направленность, неприемлемая для православных священников. По-видимому, чтобы хоть как-то смягчить революционный дух толстовских идей, церковные идеологи и свели его интерпретацию религии к единственному догмату «о непротавлении злу насиллем». Однако этот догмат, который, конечно, присутствует в философско-теологической концепции Л.Н. Толстого, тем не менее не является доминирующим, каким хотят его представить идейные защитники православной церкви. Давая ему характеристику в сочинении «В чем моя вера», писатель так определил его место в своих теологических построениях. После многократного чтения заповедей И. Христа мне, говорит Л.Н. Толстой, вдруг открылось, что не следует видеть в их содержании какой-то неведомый для простых смертных, эзотерический

смысл. Надо понимать их так, как они непосредственно изложены в Нагорной проповеди. Впервые я осознал это, указывает российский реформатор, именно при анализе четвертой евангельской догмы. «Непротавление злу насиллем» оказалось чудесным ключом, позволившим открыть дотолле закрытый ящик Пандоры и правильно осмыслить все остальные христианские догмы.

Процесс осмысления истин И. Христа не был одномоментным. Чтобы извлечь их из хаоса бытия, Л.Н. Толстому пришлось проделать трудный и тернистый путь, который берет свое начало в отроческие годы. Будучи любознательным и активным подростком, будущий писатель начал сомневаться в православных ценностях и их значении для каждого российского гражданина. В сознании четырнадцати, и пятнадцатилетнего отрока появились религиозные представления высокой мировоззренческой пробы. И, как это ни парадоксально, уже в эту пору мужалости юный Толстой определился с главным вектором своего философско-теологического поиска. Этим непроизвольно принятым вектором стала правдивость. Конечно, появившаяся любовь к истине не могла базироваться на глубоких философских размышлениях. До них яснополянский юноша тогда не дорос: еще не было проанализировано гигантское множество книг, с которыми он познакомится гораздо позже, и не хватало практического жизненного опыта, который будет накоплен в последующие годы. Поворот к правде жизни происходил на интуитивном уровне и опирался в основном на здравый смысл. Тем не менее взгляды писателя вступили в реальное противоречие с мистическим содержанием православной культовой практики и с лежащим в ее основе догматическим вероучением. Констатируя свершившуюся перемену в своих теологических воззрениях, Л.Н. Толстой писал в «Исповеди»: «Я с шестнадцати лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть» [7, с.108].

Несмотря на этот юношеский антирелигиозный максимализм, русский мыслитель длительное время не порывал свои отношения с официальной церковью и ее вероучением. Больше того, он не раз заявлял, что боялся подобного разрыва, боялся остаться наедине со своими мыслями, без поддержки верующих друзей.

Формирование новых христианских представлений происходило постепенно, главным образом на литературном поприще. Оно достигло апогея в «Войне и мире», в персонафицированной фигуре Платона Каратаева как носителя истинного христианского духа. Здесь и оформился окончательный разрыв Л.Н. Толстого с русским православием. «Но когда, – подчеркивает он, – я кончил свою работу, я увидел, что как я ни старался удержать хоть что-нибудь от учения церкви, от него ничего не осталось. Мало того, что ничего не осталось, я убедился в том, что и не могло ничего остаться» [8, с. 433]. Словом, православная церковь и ее догматика были отправлены в отставку. Русский реформатор предложил миру свой путь праведной жизни, к вступлению на который он настоятельно при-

зывал верующих и неверующих вплоть до кончины. Реальным образчиком этого нового служения добру, по его убеждению, являются действия самого Христа в отношении «мытаря Заахея, блудницы, разбойника на кресте» [9, с. 79].

Разумеется, рамки отдельной статьи не позволяют более широко и детально изложить содержание философско-теологической концепции выдающегося российского мыслителя. Собственно, я и не ставил перед собой этой цели. Ведь идейное наследие Л.Н. Толстого, по справедливой оценке А.А. Гусейнова, находится в одном ряду с духовными ценностями Моисея, Мухаммеда, Лютера и самого И. Христа [10, с. 89]. Осмыслить полностью достояние этой русской «глыбищи» предстоит еще многим исследователям.

07.12.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. 1862-1885. СПб., 1905.
2. Розанов В. В. Л. Н. Толстой и Русская Церковь // Розанов В. В. Соч. В 2-х т. М. 1990. Т. 1. Религия и культура.
3. Мелешко Е. Д., Гусова С. А. Моральная философия Л. Н. Толстого. Тула. 2005. С. 8.
4. Толстой Л. Н. Философский дневник. М. 2003.
5. Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Философия ненасилия Л. Н. Толстого: точки зрения: коллективная монография. Екатеринбург. 2002.
6. Толстой Л. Н. Учение 12-ти Апостолов // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 25.
7. Толстой Л. Н. Исповедь // Публицистические произведения 1855-1886. Собр. соч. в 22-ух т. М. 1983. Т. 16.
8. Толстой Л. Н. В чем моя вера // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М. 1957. Т. 23.
9. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 28.
10. Гусейнов А.А. Евангелие от Толстого // Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точки зрения: коллективная монография.

Сведения об авторе: **Шмелев Валерий Дмитриевич**, заведующий кафедрой истории и социально-политических наук Уральского государственного лесотехнического университета, доктор философских наук, профессор
620032, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37, тел.: (3432) 614634, 83433739877, факс (3432) 242377, e-mail: genera@usfeu.ru

УДК 271.2
Shmelev V.D.

HONESTY - DISTINGUISHING FEATURE OF RELIGIOUS SEARCH OF L.N. TOLSTOY

Philosophical-theological conception by L.N. Tolstoy is an instruction for typical human life complicated from truth statements of Christian teaching. This world view according to the ideas of the writer was given to people by High Father and was announced by errant preacher Jesus Christ from Nazareth.

Key words: religious search, honesty, Orthodox religion, moral-theological ideas, non-resistance of evil with violence.